

В. В. СЕРГЕЕНКОВА

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1863—1864 гг.

С конца XVIII в. после разделов Речи Посполитой польский вопрос стал одним из важнейших в европейских международных отношениях. Польские земли были ареной крупных национальных восстаний. Главным требованием освободительной борьбы было восстановление независимого государства в границах 1772 г. К 60-м гг. XIX в. национально-освободительное движение достигло наибольшего размаха. Восстание 1863—1864 гг. явилось переломным моментом в отношениях между правительством Александра II и Царством Польским. Начиная с середины 60-х гг. XIX в., под влиянием развивавшихся событий российские власти планомерно и целенаправленно приступили к уничтожению польской автономии и польских представительных учреждений, пытаясь в то же время создать себе прочную социальную опору в деревне.

Восстание 1863—1864 гг. благодаря предпринятым мерам вскоре было подавлено. Расправа с его участниками была жестокой. За участие в восстании было осуждено на каторгу и в ссылку около 18 тыс. человек, конфисковано 1660 имений [1, 317]. Осужденные подразделялись на четыре категории. Первую составляли лица, приговоренные к каторжным работам в рудниках и заводах Восточной Сибири. Вторую — повстанцы, сосланные на поселение с полным или частичным лишением прав и имущества. Третью и четвертую категории образовывали ссылаемые в административном порядке без права свободного и добровольного выбора мест оседлости. После подавления восстания началась новая волна эмиграции. Около 7 тыс. человек выехало из Царства Польского за границу, главным образом во Францию, Швейцарию [2, 11].

Отношение русского общества к восстанию 1863—1864 гг. не было однозначным. Большая часть осуждала выступление. Например, Н. Берг, писатель и переводчик, в своих воспоминаниях говорил об абсурдности восстания. В его понимании можно было оправдать только одно восстание — 1794 г. Об этом свидетельствуют следующие строки: «Мы считаем естественным, неотразимым восстанием Польши только одно: Костюшковское. Оно вытекло из событий просто, само собою, было натуральным следствием горьких бед и насилия, которым край перед тем подвергся» [3, 9].

Среди мнений и взглядов, господствовавших в то время в русском обществе по польскому вопросу, различалось два течения: левое и правое [4, 53—55]. К левому

направлению относились представители круга А. Герцена и Н. Чернышевского. Свое отношение к польскому вопросу А. Герцен определил еще в 1853 г. Он выказывал любовь к России — своей родине, но в то же время резко осуждал действия русского правительства по отношению к Польше в прошлом и настоящем. Следует признать, что взгляды А. Герцена разделяло меньшинство.

Значительную же часть общества все-таки составляли те люди, которые поддерживали правое течение. Его наиболее ярким представителем считается М. Катков, высказывавший свое мнение в статьях редактируемых им изданий — газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник». В статье «Что нам делать с Польшей?» М. Катков в 1863 г. писал: «Польский вопрос может быть решен удовлетворительным образом только посредством полного соединения Польши с Россией в государственном отношении. Россия может дать Польше более или менее близкие виды на такое управление, которое вполне удовлетворит всем законным требованиям ее народонаселения, и далее которых не могут простираться виды европейских держав, которым угодно заниматься теперь судьбою Польши. Польский край может иметь свое местное самоуправление, быть обеспеченным во всех гражданских и религиозных интересах своих, сохранять свой язык и свои обычаи. Но децентрализованная сколько возможно в административном отношении Польша должна быть крепкою частью России в политическом отношении. Что же касается политического представительства, то, в соединении с Россией, Польша может иметь его не иначе, как в том духе и смысле, которые выработались историей России, а не по какому-нибудь искусственному типу, ровно чуждому и польской и русской истории» [5, 506].

М. Катков открыто выражал недовольство восстанием 1863—1864 гг. и призывал пересмотреть политику русского правительства в польских землях. Он подчеркивал, что на протяжении всего XIX в. Россия пыталась решить польский вопрос путем устройства особого политического положения Царства Польского. Однако эти уступки, по мнению М. Каткова, ни к чему не привели. Он требовал от правительства самых решительных мер [5, 469—471].

После разгрома польского восстания 1863—1864 гг. отношение российского императора Александра II к польскому вопросу резко изменилось. Император, считая поляков неблагодарными, решил уничтожить автономию Царства Польского, а заодно и само понятие Польши. Все последующие шаги русского правительства были направлены на то, чтобы превратить Польшу в заурядную окраину Российской империи. Именно 1864 г. можно считать началом слияния края с Россией.

Курс политики, проводимой российским правительством по отношению к польским землям, можно определить как русификаторский. Он означал слияние польских земель с Российской империей. Правительство поставило цель — сделать польские земли неотъемлемой, ничем не отличающейся от других земель частью империи. В большей степени этот курс сформировался под влиянием восстания 1863—1864 гг. Убеждение в необходимости преобразовать государственный строй Царства Польского утвердилось еще в ходе восстания, но конкретные меры и реформы разрабатывались после него. Правда, еще до восстания отношение Александра II к Царству Польскому было настороженным, и он не собирался идти на какие-либо уступки. Это прослеживается по переписке между Александром II и его братом великим князем Константином Николаевичем, который являлся наместни-

ком Царства Польского в 1862—1863 гг. В одном из писем в 1862 г. император писал: «Ошибки прежнего времени должны нам служить уроком для будущего. Назначение твое принято благомыслящими, как залог примирения, но в то же время оно возбудило почти всеобщее ожидание каких-то новых льгот и уступок. Об них и речи быть не может, а в особенности ни о конституции, ни о национальной армии. Ни того, ни другого я ни под каким видом не допущу. Согласиться на это, означало бы отречься от Польши и признать ее независимость, со всеми ее пагубными последствиями для России» [6, 123]. Это чувство недоверия, настороженности имело основания и усилилось в период восстания 1863—1864 гг. Александру II, как и его отцу, Николаю I, пришлось выработать новые основы, на которых бы жил и управлялся этот регион.

Обязанности наместника Царства Польского с 11 сентября 1863 г. стал исполнять граф Ф. Берг (1793—1874), который вскоре официально был назначен на этот пост. Он был подходящей фигурой для проведения новой политики. Опытный военный, генерал, участник многих военных кампаний, в том числе подавления польского восстания 1830—1831 гг., весьма энергичный, он с усердием принялся за новое дело [7, 334—341]. Ф. Берг признал, что будет делать в Царстве Польском «то же самое, что делал Муравьев в Северо-Западном крае: выбивать клин клином» [3, 298].

Роль наместника Царства Польского граф Ф. Берг исполнял до своей смерти в 1874 г. С его именем связано проведение в жизнь всех тех реформ и преобразований, которые были задуманы русским правительством. В мемуарах современников графу не всегда дается однозначная оценка, но эта личность вызывала к себе интерес в обществе. Оценивая назначения Ф. Берга на пост наместника, Е. Андреевский, в будущем флигель-адъютант, боевой офицер, черниговский губернатор, писал: «Сенсацию это произвело большую: несмотря на доказательный прецедент в Финляндии, одни говорили, что этот немец продаст Россию, другие кричали, что, как женатый на католичке, он будет играть всецело в руку полякам» [8, 444]. Однако в действительности свой приезд в Варшаву Ф. Берг ознаменовал жестокими мерами: «утвердив приговоры о повешении пятерых наиболее важных преступников, велел повесить их в один день и в один час на пяти площадях Варшавы. Это произвело громадное впечатление... и подействовало отрезвляюще» [8, 444].

Ф. Берг заявил о себе, как о чиновнике, действующем твердо и решительно. Несомненно, он играл достаточно важную роль в Царстве Польском, так как именно от него зависело спокойствие края. По мнению современников, наместник вполне справлялся со своими обязанностями [9, 34—86]. Е. Андреевский отмечал в своих мемуарах, что за «блестящее» управление краем и командование армией, император Александр II, в день бракосочетания наследника Александра Александровича в октября 1866 г., желая наградить графа «отличием выходящим из ряда, пожаловал ему фельдмаршальский жезл» [8, 454]. По свидетельству того же Е. Андреевского, все новые губернаторы в Царстве Польском были выбраны лично графом [8, 455].

К числу первых проявлений новой политики относятся публичные казни участников повстанческого движения. Были расширены полномочия военных начальников, которым было даже предоставлено право вынесения смертных приговоров. Их обязывали принять все зависящие от них меры к скорейшему разгрому повстанческих отрядов на подведомственной им территории и недопущению образо-

вания новых. Для осуществления этих мероприятий Ф. Берг получил значительные военные подкрепления [1, 288].

Были увеличены силы полиции. Каждый начальник полицейского участка должен был знать все, что делается в подведомственных ему домах, и принимать все меры к выявлению подозрительных лиц. Он мог в любое время дня и ночи по своему усмотрению производить обыски в домах и квартирах. Сторожа и дворники обязаны были опрашивать всех посторонних лиц, входивших в дома и выходящих из них. В ночное время по улицам городов разъезжали многочисленные пешие и конные патрули. В скором времени в 1864 г. в Варшаве было учреждено управление генерал-полицмейстера, которому была подчинена полиция всего Царства [10, 354—358]. Введение военно-полицейского управления сопровождалось дальнейшим ограничением свободы передвижения. Было запрещено ходить по улицам в ночное время, выезжать из города или из своего уезда без специального разрешения. В ходе же административной реформы 1867 г. был образован Варшавский жандармский округ, а весь край покрыт сетью полицейских наблюдательных пунктов [11, 123—124].

Весьма важным средством воздействия на польское население являлись контрибуции, штрафы и конфискации. Контрибуции были распространенным явлением, так как налагались даже военными начальниками. Широко практиковались конфискации имений и другого имущества осужденных участников повстанческого движения [1, 288—289].

Одновременно правительство пошло и на некоторые уступки, чтобы расширить социальную базу власти в Царстве Польском. Основной вывод, сделанный царизмом из восстания 1863—1864 гг., состоял в том, что опорой правительства в Польше может быть только крестьянство. Крестьяне не поддержали повстанцев, а в ряде случаев и выдавали их властям. Поэтому Александр II поставил задачу провести земельную реформу, чтобы привлечь польских крестьян на свою сторону и оторвать их от прочей части польской нации, противопоставить крестьян шляхте и интеллигенции.

Дело крестьянской реформы в Царстве Польском было поручено Н. Милютину, уже зарекомендовавшему себя в период подготовки крестьянской реформы в России. Он лично объехал Царство Польское, ознакомился с положением крестьян. Вернувшись, Н. Милютин представил императору план решения не только аграрного вопроса, но и преобразования администрации, суда, законодательства, полиции и др. Для разработки мероприятий был учрежден особый Комитет по делам Царства Польского в Петербурге, который к ноябрю 1863 г. разработал проекты реформ. После их обсуждения, 19 февраля (2 марта) 1864 г. эти проекты были утверждены. Для осуществления реформ в Варшаве был создан Учредительный комитет под председательством Ф. Берга [12, 150—160]. Этот орган состоял из русских чиновников. Главным директором комиссии внутренних дел комитета стал князь В. Черкасский, а председателем комиссии по крестьянским делам — Я. Соловьев. Из гвардейских офицеров, православных по вере и русских по происхождению, набран был едва ли не весь состав комиссаров по крестьянским делам, исполнявших в Польше обязанности мировых посредников. Н. Милютин сам знакомил их с предстоящей деятельностью, наставлял и научал, как поступить для «осуществления видов» правительства.

В соответствии с указом от 19 февраля 1864 г. о крестьянской реформе, земли, находившиеся в пользовании крестьян в имениях, принадлежащих частным лицам, майоратным владельцам, институтам или казне, поступают в полную собственность крестьян [12, 120—128]. Для удовлетворения земель некоторой части безземельных крестьян был создан небольшой фонд из казенной земли, за счет которого были образованы небольшие крестьянские хозяйства до 3 моргов каждое. Многие конфискованные имения повстанцев также были разделены между крестьянами. В итоге число безземельных крестьян уменьшилось с 1 млн 300 тыс. семей в 1860 г. до 220 тысяч семей в 1867 г. [13, 181].

С 3 (15) апреля 1864 г. крестьяне освобождались от уплаты всех, без исключения, повинностей, которыми они были обложены в пользу владельцев имений. Взамен они должны были вносить в казну, за приобретенную ими в собственность землю, поземельный налог. В свою очередь владельцы имений получили от казны вознаграждение за упраздненные повинности. По этому указу с помещиков слагалась обязанность предоставлять крестьянам льготы при чрезвычайных бедствиях и снабжать их в долг рабочим скотом, орудиями труда и семенами. Крестьянам было предоставлено право пользования господскими пастбищами и лесными угодьями (сервитуты), право, которое не получили русские крестьяне. Самое же главное преимущество крестьян заключалось в том, что они становились собственниками земли и могли свободно ею распоряжаться: отдавать в займы, закладывать, продавать и т. д. [12, 120—128]. Как видим, положение крестьян в Польше после реформы 1864 г. выгодно отличалось от положения русских крестьян в этот период. В этом кроется одна из причин последующего бурного развития Польши, которая к концу XIX в. превратилась в один из самых развитых регионов Российской империи.

19 февраля 1864 г. был издан еще один указ, в соответствии с которым создавалась Ликвидационная комиссия. За отошедшие к крестьянам земли и постройки шляхта получала вознаграждение от казны, по правительственной оценке, но не наличными деньгами, а так называемыми ликвидационными бумагами. Проценты и погашение выплаченных шляхте сумм по этим бумагам были включены в земельные платежи крестьян. Это должно было возместить ущерб, нанесенный землевладельцам, связанный с освобождением крестьян от несения повинностей. Землевладельцы получали вознаграждение 4 %-ми ликвидационными листами, подлежащими погашению в течение 42 лет. Размеры вознаграждения определялись путем капитализации суммы, составлявшей в барщинных имениях 2/3 стоимости повинностей, а в оброчных — 4/5 оброка [12, 141—150].

Особое внимание правительство проявило к майоратным владельцам — русским помещикам, владевшим пожалованными имениями с определенным доходом на майоратном праве. Майоратные владельцы непрерывно обращались к властям с жалобами на потери в доходах в связи с проведением реформы. Тогда было издано специальное постановление, по которому владельцам майоратов возмещались их потери, причем иногда и не связанные с реформой.

Сама реформа оценивалась в высших кругах Петербурга как слишком радикальная. В ходе реализации она встречала сильное противодействие не только среди польского дворянства, но и среди русских чиновников в Царстве Польском, проводивших ее.

В рамках земельной реформы 19 февраля 1864 г. была объявлена реформа волостного самоуправления, так называемая «гминная реформа». Польская гмина (аналог русской волости) объявлялась всесословной [14, 342]. Членами ее считались все сельские хозяева, владельцы земельных наделов от 3 моргов и выше. Фабриканты, духовенство и лица свободных профессий из гмины исключались. Главным органом гмины считался гминный сход, собиравшийся четыре раза в год и решавший все хозяйственные и общественные дела гмины, устанавливавший и распределявший гминные сборы и повинности [14, 348]. На сходе выбирались должностные лица гмины: гминный старшина (войт), члены гминного суда (лавники), а также писари. Сельские общества (деревни), входившие в состав гмин, решали свои дела на сельских сходах, там же избирали старост (солтысов) — помощников войта [14, 354].

С помощью гминной реформы власти надеялись противопоставить дворян-поляков крестьянам-полякам. Крестьянами же правительство планировало руководить через войта, утверждаемого уездным начальством, и через писаря, также рекомендуемого властями. Войт находился в подчинении уездного начальства и выполнял полицейские обязанности в гмине. При несогласии схода с налоговыми мерами войт мог утвердить их, с санкции поветового начальства, своей властью [14, 357].

Вслед за гминной реформой 1864 г., два года спустя была унифицирована система административно-территориального управления в губерниях Царства. В декабре 1866 г. Александр II утвердил «Учреждение Управления губерний в Царстве Польском» [14, 332—375]. Согласно этому закону, в Польше учреждалось Варшавское генерал-губернаторство, хотя должность наместника, которую занимал граф Ф. Берг, сохранилась. Увеличилось до десяти число губерний: Варшавская, Каминская, Петроковская, Радомская, Калецкая, Люблинская, Седецкая, Плоцкая, Ломжинская, Сувалкская [14, 350—351]. Варшавское генерал-губернаторство управлялось вначале наместником, а после 1874 г. — генерал-губернатором, при котором действовало особое совещание.

В новообразованных губерниях Царства Польского при губернаторе учреждались губернские правления, заменившие губернские рады. Губернские правления состояли из губернатора, вице-губернатора и трех советников. В них также входили губернские медицинский и ветеринарный инспектора, архитектор (инженер) и начальник учебной дирекции, имевшие право совещательного голоса [14, 360]. Аналогичным образом реформировались и уездные органы власти. Восстанавливались также должности губернских и уездных предводителей дворянства.

Преобразования затронули и высшие органы власти в Царстве Польском. В 1866 г. был ликвидирован статс-секретариат Царства Польского в Санкт-Петербурге и должность статс-секретаря, контрассигнующего царские указы, касавшиеся Польши [15, 370]. В марте 1867 г. появился указ об упразднении одного из важнейших органов управления — Государственного совета Царства Польского и находящейся при нем канцелярии, а в 1868 г. — и Административного совета Царства [16, 317—318, 380—381]. Их функции были разделены между правительственными комиссиями в Петербурге и Учредительным комитетом в Царстве Польском [17, 847—848]. Дела о дворянстве и о почетных титулах, которые рассматривал упраздненный Государственный совет, теперь передавались в ведение Департамента Герольдии правительствующего Сената. Дела о преступлениях должностных

лиц впредь должны были решаться общим порядком, установленным для всего российского государства [17, 254—255]. Тогда же почтовое и дорожное ведомства Польши были вновь, на этот раз окончательно, слиты с общероссийскими.

В 1867—1868 гг. были упразднены все комиссии (министерства) Царства: финансов и казны, вероисповеданий и народного просвещения, внутренних дел [18, 214]. По указу от 28 марта 1867 г. правительственная комиссия финансов и казначейства в Царстве Польском и должность главного директора, председательствующего в этой комиссии, упразднялись. Вместо них должны были создаваться такие же финансовые учреждения, как и в других частях Российской империи [17, 333—334]. Далее, по указу от 29 февраля 1868 г. была упразднена правительственная комиссия внутренних дел, а находящиеся в ее ведении сферы управления были подчинены соответствующим учреждениям империи [19, 173—178]. По этому указу губернские правления польских губерний были подчинены правительствующему Сенату с распространением на них общероссийских законов. Часть функций ликвидированных учреждений перешла в руки Учредительного комитета в Царстве Польском. Однако этот орган просуществовал недолго. В 1871 г. он прекратил свое существование.

Административные и исполнительные дела по Варшавской православной епархии были переданы в ведение Варшавской консистории. Руководство развитием и усовершенствованием земледелия в 10 польских губерниях было предоставлено Министерству государственных имуществ. Дела, касавшиеся торговли и мануфактурной промышленности, отошли в ведение Министерства финансов. Руководство и контроль за рекрутской, квартирной, подводной и этапной повинностями, а так же за снабжением войск, были временно возложены на Учредительный комитет [19, 176—178]. Таким образом, в польских землях шел процесс ликвидации особенностей управления, централизация и унификация его по общероссийскому образцу.

В этот период русское правительство проводит еще одно мероприятие, которое в исторической литературе получило название «разбор шляхты». Оно проводилось в связи с тем, что в восстании 1863—1864 гг. широкое участие приняла польская шляхта. По специальному указу от 4 октября 1870 г. определялся порядок приобретения потомственного дворянства. Так, потомственное дворянство жителями Царства Польского могло приобретаться в результате пожалований монарха, военной и гражданской службы, награждения российским императорским орденом. Приобретенное таким образом потомственное дворянство передавалось по наследству всем детям и их потомству. Доказательствами дворянского происхождения признавались жалованные грамоты и дипломы на дворянство, патенты на военные чины и формулярные списки военных лиц, высочайшие грамоты, а также акты о высочайшем пожаловании потомственного дворянства [20, 6—9].

Несколько позднее, в марте 1871 г., последовал дополнительный указ, по которому был установлен двухгодичный срок для предоставления польской шляхтой узаконенных свидетельств, удостоверяющих их права потомственного дворянства. За точку отсчета брался день обнародования Учредительным советом Царства Польского «Положения о порядке производства и хода геральдейских дел» (6 января 1870 г.) [20, 9—12].

Характерно, что русификация Царства Польского и упразднение его автономии начались не сразу после подавления восстания 1863—1864 гг. Российское правительство выждало несколько лет, чтобы создать себе социальную базу. Такой базой, по замыслу Александра II, должно было стать польское крестьянство, а также русские чиновники и землевладельцы. О недоверии русского правительства к полякам свидетельствует и тот факт, что оно отдавало предпочтение русским чиновникам. Чтобы привлечь последних на службу в польские земли, им предоставлялся ряд льгот. Согласно «Закону о преимуществах чиновников русского происхождения в Царстве Польском» от 30 июля 1867 г. чиновники русского происхождения, поступавшие на службу в губернии Царства Польского, получали значительные денежные льготы (15—20 % прибавки к жалованию, льготные пенсии, а также подъемные и прогонные деньги в размерах: чиновники 4—5 классов — 1000 рублей, чиновники 6—8 классов — 600 рублей, чиновники 9—14 классов — 300 рублей). Предусматривалось и ускоренное продвижение их по службе. Два года, проведенные в губерниях Царства Польского, считались за три года службы в империи [21, 330—344]. Правда, указ от 5 июня 1868 г. подчеркивал, что льготами могли воспользоваться те русские чиновники, которые приехали в Царство Польское после 1 января 1864 г. Этим указом вводились также новые льготы. Например, теперь должны были удовлетворяться прошения русских чиновников, находящихся на службе в польских землях, о воспитании и обучении их детей в учебных заведениях за казенный счет и о выдаче на это пособий. Кроме того, эти чиновники могли уходить на пенсию раньше, чем другие [19, 750—752].

Циркуляром Министерства государственных имуществ русским чиновникам предоставлялась возможность покупать конфискованные имения повстанцев по льготным ценам [22, 489—492]. Земли, конфискованные во время восстания 1863—1864 гг., раздавались русским чиновникам на довольно льготных условиях. По специальному положению лица, получавшие недвижимые имения в Царстве Польском на правах майоратов, платили в пользу казны гербовый сбор в размере 1 % стоимости имения, получавшие же имения в полную собственность — в размере 2 % с капитальной стоимости имения. Более того, разрешалось платить эту пошлину в рассрочку, сроком до 6 лет и без процентов [23, 155—156].

Этими законами правительство добилось того, что в 70-е гг. XIX в. в Царство Польское хлынул поток русского чиновничества, абсолютно чуждого полякам и забывшегося лишь о своем обогащении. К концу царствования Александра II польский край был наводнен русскими, образовавшими свой клан, куда не было доступа ни полякам, ни польской культуре. Как отмечал историк А. Погодин, единственно, в чем преуспел царизм в Польше, так это в сбыте туда русской бюрократии [24, 201]. Как следствие этого — в 1868 г. русский язык стал официальным языком администрации, в 1869 г. он был введен в обиход в казенных палатах, а в 1876 г. — в суде [14, 253—254].

Преобразования затронули и систему образования. В области просвещения были предприняты меры, направленные на русификацию всех видов образования в Царстве Польском. Этим правительство стремилось не допустить новых революционных выступлений польской молодежи. В 1867 г. вновь образовывался Варшавский учебный округ с подчинением Министерству народного просвещения в Петербурге [25, 68]. В следующем году был реорганизован Варшавский университет. В

нем был введен общий университетский устав с существенными ограничениями автономии и выборного начала. В 1871 г., согласно новому указу, все без исключения служащие университета стали назначаться решением правительства, что было беспрецедентно для России того времени [26, 425]. В Варшавском университете преподавание стало вестись на русском языке. Все эти меры привели к тому, что Варшавский университет покинули лучшие профессора [27, 231].

В области среднего образования согласно уставам от 5 января 1866 г. предписывалось ввести во всех польских гимназиях занятия по русской словесности, истории и географии России на русском языке. С 1868 г. было введено преподавание на русском языке исторических и физико-математических дисциплин, а с 1871/1872 учебного года польский язык был совершенно устранен как язык преподавания из стен средних учебных заведений и сохранился только в качестве одной из дисциплин. В 1872 г. правительство распространило на польские средние учебные заведения устав русских гимназий. Начальная школа на первых порах избежала этих перемен. Здесь русское правительство предпочитало действовать постепенно, и одним из первых новшеств было введение в 1871 г. в народных училищах обязательного изучения русского языка [27, 234—235].

Для оправдания своей русофильской политики правительство стало рассматривать польские земли как край со «смешанным» населением. В официальных отчетах все чаще стали называть Царство Польское «Привислинским краем» [16, 29—31]. Из идеи противопоставить польское крестьянство остальной части польского общества ничего не получилось, если не считать проснувшегося в крестьянах национального самосознания. Поэтому с 1871 г. правительство перешло к практике жесткой русификации. Средства на содержание польских школ урезались, зато открывались русскоязычные и даже германоязычные лицей и гимназии [28, 213]. Циркуляр министра народного просвещения 1871 г. разрешил назначать учителями Закона Божьего не ксендзов, а светских учителей. Это привело к тому, что крестьяне стали забирать своих детей из гминных школ, в результате чего те начали закрываться в большом количестве [28, 215—216].

К 1871 г. крестьянская и гминная реформы были в основном завершены, все мероприятия по административному слиянию Царства с империей были определены. В 1871 г. Учредительный комитет был упразднен [29, 411], а спустя три года, в 1874 г., было упразднено и звание наместника Царства Польского. После смерти графа Ф. Берга в Варшаву был назначен генерал-губернатор П. Коцебу, уже без статуса наместника. Через два года, в 1876 г., была закрыта Канцелярия по делам Царства Польского (заменившая в 1866 г. статс-секретариат Царства), а в 1881 г. — и Комитет по делам Царства Польского в Санкт-Петербурге [30, 111]. Царство Польское превратилось в одно из российских генерал-губернаторств без всяких следов автономии.

Как видно, вся политика правительства была направлена на то, чтобы ликвидировать все национальные польские институты власти, централизовать и унифицировать систему управления и образования, чтобы превратить польские земли в неотъемлемую и органически с ней связанную часть Российской империи.

Изменения затронули и конфессиональный вопрос. Еще в 1864 г. был подписан указ, в соответствии с которым упразднялись те из католических монастырей Царства Польского, в которых не было установленного каноническими правилами

числа монашествующих, т. е. менее восьми монахов или монахинь. Предписывалось закрыть и те монастыри, которые принимали явное и доказанное участие в восстании 1863—1864 гг. В соответствии с этим указом были упразднены 71 мужской и 4 женских монастыря, как не достигшие определенного церковными канонами числа монашествующих в них. За соучастие же в «мятеже» были закрыты 39 мужских монастырей [31, т. 1, 481]. Затем были упразднены католические епархии Каменецкая и Минская, а в 1868 г. переведена в Петербург кафедра могилевского архиепископа, митрополита всех римско-католических церквей в империи. Русский язык постепенно вводился в богослужение католиков и протестантов [31, т. 2, 232]. Гонениям подвергалась также униатская церковь, запрещенная указом 1874 г. С 1875 г. с прихожан униатских приходов стали собирать подписи о их желании воссоединиться с православием. К лету этого же года все униатские приходы были признаны добровольно воссоединившимися с православными [4, 73].

Преобразования затронули и судебную систему. В основу судебной реформы, которую провели на польских землях в 1876 г., был положен судебный устав 1864 г., но с изменениями и изъятиями. Например, отсутствовал такой институт, как присяжные заседатели. Мировые суды учреждались только в городах, причем мировые судьи не выбирались, а назначались; существовало и положение о сменяемости судей. Для сельской местности вводился гминный суд. В гминном суде устанавливалось выборное начало, т. е. судей не назначали, а избирали. Был образован Варшавский судебный округ, подчиненный Министерству юстиции в Петербурге, а комиссия юстиции — последняя из правительственных комиссий Царства Польского — была ликвидирована. Судопроизводство осуществлялось на русском языке [32, 55—59].

Городская реформа 70-х гг., проведенная в России, по политическим соображениям не коснулась Царства Польского. Городское самоуправление польских городов осуществлялось по указу 1866 г., в соответствии с которым магистраты фактически лишились своего выборного начала и превратились в административные органы с очень ограниченными полномочиями [24, 226]. Проекты аналогичного российским городам самоуправления для городов Царства Польского несколько раз обсуждались, но Санкт-Петербург не дал этим проектам хода.

Также по политическим соображениям не было разрешено и введение земства.

В царствование императора Александра III политика российского правительства в польских землях не претерпела серьезных изменений. Власти перестали считаться с их национально-историческими особенностями, распространяя на Царство Польское законодательство империи. В это время был упразднен Комитет по делам Царства Польского в Санкт-Петербурге. Это был последний государственный институт, где поляки могли бы выражать свои национальные чувства. Все его дела и штат были переданы комитету министров [30, 111].

Продолжая политику «обрусения» края и пытаясь расширить свою социальную базу, правительство предоставило новые льготы российским военным и чиновникам, служившим в Царстве Польском [30, 140; 33, 182; 34, 88—89]. По указу 3 мая 1882 г. русские православные офицеры получили право на годовой оклад «в случае отказа их от производства в выслуженные ими гражданские чины» [33, 183].

В то же время католики подвергались притеснениям. Хотя по условиям заключенного в 1882 г. конкордата с Римом, вакантные должности католических прела-

тов в Царстве могли замещаться священниками, назначаемыми Ватиканом, сохранялось вмешательство гражданских властей в церковные дела [35, 164—167]. Были закрыты неутвержденные правительством католические братства. С целью усиления позиции православия в крае, в 1891 г. были изменены правила заключения и расторжения браков в Царстве Польском [36, 398—399].

В начале 90-х гг. XIX в. правительство Александра III распространило на Царство Польское действие таможенных законов империи [36, 7] и фабрично-заводское законодательство [36, 214], там было образовано несколько фабричных округов. Контроль исполнения новых законов поручался председателю Варшавского окружного суда и генерал-губернатору, компетенция которых была существенно расширена [33, 215—216]. Указом 1891 г. строго воспрещалось пользоваться какими-либо иными, кроме русских, мерами длины и веса [36, 682].

Руководство краем осуществляли генерал-губернаторы. В 1880—1883 гг. этот пост занимал П. Альбединский, а затем, в 1883—1894 гг. — И. Гурко.

Отдельно следует остановиться на политике русификации, проводимой в Польше генерал-губернатором И. Гурко (1883—1894 гг.) и попечителем Варшавского учебного округа А. Алухтиным (1879—1897 гг.). Фундамент этой политики был заложен еще указами Николая I [37, 1—15] и докладами министра просвещения С. Уварова 1840-х гг. [38, 1], когда русский язык стал обязательным языком преподавания, а русские учителя, утвержденные правительством, смогли беспрепятственно преподавать в Царстве Польском.

При Александре III было издано несколько документов, которые поставили преподавание польского языка в тяжелые условия. Например, обучение польских учащихся родному языку велось по-русски; грамматические объяснения, примеры, разбор учебных текстов учитель обязан был давать только по-русски. Кроме этого сокращалось количество уроков польского языка, уроки назначались в неудобное время, польский язык считался необязательным предметом и т. д. Ученикам запрещалось разговаривать друг с другом по-польски в стенах гимназии. Родителям предлагалось переписываться с детьми-школьниками на русском языке.

С 1885 г. языком преподавания в сельских школах был объявлен русский язык. Так, в 1885 г. появился указ «О порядке назначения учителей в начальные училища Царства Польского и о языке преподавания в этих заведениях» [39, 95]. Этот указ предусматривал, что все преподавание в начальной школе, за исключением Закона Божьего для католиков и родного языка учащихся, должно вестись исключительно на русском языке. Таким образом, польский язык был вытеснен и из сельской школы. Последний указ царствования Александра III, касающийся Царства Польского, датируется 1893 г. Он предписывает вести переписку, делопроизводство и счетоводство в земском кредитном обществе Царства исключительно на русском языке [35, 228].

Однако генерал-губернатор И. Гурко пошел еще дальше. Он запретил использовать польский язык в вывесках, рекламных объявлениях и ресторанных меню, а попечитель Варшавского учебного округа А. Алухтин приказал отчислять студентов за употребление польского языка в стенах университета [40, 148].

Таким образом, политика российского правительства в польских землях в 60—90-е гг. XIX в. носила русификаторский характер. После подавления восстания 1863—1864 гг. был проведен ряд мер, направленных на ликвидацию обособленного положения Царства Польского. Были ликвидированы органы местного само-

управления, Государственный совет и правительственные комиссии Царства Польского. Должность наместника была заменена должностью генерал-губернатора. Систему образования сблизили с общероссийской, ввели единые меры длины и веса, единые таможенные законы и единое фабрично-заводское законодательство. Для устранения от государственной власти и государственного управления польского дворянства и наказания за участие в восстании 1863—1864 гг. провели мероприятия, получившие название «разбор шляхты». Единственная уступка — крестьянская реформа. Ее целью было привлечение крестьянства на сторону правительства. Но поставленная цель не была достигнута, так как крестьянство все больше подпадало под влияние других слоев польского общества. Особое недовольство вызывала политика русификации, когда не только уничтожали автономию края, но и стирали чувство национального самосознания путем запрещения польского языка, национальной культуры.

С середины 60-х гг. XIX в. царское правительство пустило в обращение обидный для поляков термин «Привислинский край», все чаще заменявший название Царства Польского в статистических отчетах и официальных документах. К концу XIX в. эти названия вполне равноправно употреблялись в своде Законов России империи [33, 439—440].

Вопреки замыслу авторов гминной реформы 1864—1871 гг., польское крестьянство не только не удалось оторвать от остальных слоев польского общества, но оно наоборот все более подпадало под влияние радикальных крутов. Как заметил русский историк А. Погодин, в оппозиции к царскому правительству стоял весь польский народ [41, 89]. Однако поляки, наученные горьким опытом, больше не возлагали надежды на вооруженное восстание и помощь западных держав. Для обретения независимости они выбрали иной путь. Новое поколение польских патриотов выдвинуло лозунг «Органического труда» — создать национальные технические кадры и вывести Польшу на первое место среди регионов Российской империи по уровню развития промышленности и сельского хозяйства.

На начальном конституционном этапе (1815—1830 гг.), Царству Польскому были предоставлены большие права в области национального представительства и самоуправления. Царство Польское, с его Конституцией и Сеймом, могло считаться образцом либерализма для России. Однако стремление поляков к воссозданию Речи Посполитой образца 1772 г., с одной стороны и практика самодержавного деспотизма крепостнической России, с другой стороны, привели к восстанию 1830—1831 гг. Восстание похоронило Конституцию.

В 1832 г. на смену Конституции Царства пришел Органический статут, упразднивший польский Сейм. Однако автономия Польши была лишь урезана, но не уничтожена. Реформаторский импульс предыдущего времени был так силен, что с ним, равно как с вольнолюбивыми традициями поляков, приходилось считаться. Для удержания края в повиновении в Царство Польское были введены войска, и его держали двадцать лет на осадном положении.

В первые годы царствования Александра II в отношении российского правительства к польскому вопросу наметились большие прогрессивные сдвиги. Права Царства значительно расширились как в области административного управления, так и в культурно-образовательной сфере. Казалось, еще один шаг — и поляки вновь обретут Сейм и Конституцию. Однако этот шаг сделан не был из-за неприемлемой позиции поляков, требовавших не автономии, а независимости, и из-за

отрицательного отношения дворянско-бюрократической России к идее конституционного устройства империи. Как и ранее, нежелание идти на компромиссы вызвало восстание 1863—1864 гг., которое похоронило реформы.

После подавления восстания российское правительство окончательно отказалось от мысли привлечь на свою сторону польское дворянство и интеллигенцию, создать национальную автономию в рамках империи. Оно переходит к планомерной русификации края, централизации управления и унификации административного устройства Польши по российскому образцу. В течение последующих десятилетий были уничтожены все социально-административные институты Царства Польского, преследовались любые проявления национальной мысли, была сделана попытка уничтожить польский язык и само название страны, заменив его обидным термином «Привислинский край». В то же время российское правительство попыталось расширить свою социальную базу в Польше, привлечь на свою сторону крестьян и противопоставить их остальным слоям польского общества. Политика эта потерпела крах.

Обладая самобытностью и четко выраженной национальной автономией в начале XIX в., через 70 лет Царство Польское полностью утратило и то, и другое. К концу царствования Александра III польские земли в составе Российской империи представляли собой в административном плане генерал-губернаторство, территориально-административное устройство и организация судебных и образовательных органов которого не отличались от других регионов Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миско М. В. Польское восстание 1863 г. М., 1962.
2. Участники польского восстания 1863—1864 годов в Тобольской губернии. М., 1963.
3. Берг Н. В. Записки о польских заговорах и восстаниях. М., 1873.
4. Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915.
5. Катков М. Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. № 3.
6. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем за время пребывания его в должности наместника Царства Польского в 1862—1863 гг. // Дела и дни. 1920. Кн. 1.
7. Павлицев Н. И. К характеристике графа Берга // Исторический вестник. 1887. Т. 28. № 5.
8. Андреевский Е. К. К воспоминаниям о графе Ф.Ф. Берге // Русская старина. 1907. № 11.
9. Алучин Д. Г. Граф Федор Федорович Берг, наместник в Царстве Польском (1863—1874 гг.) // Русская старина. 1893. № 1.
10. Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). 2-е собр. Т. XLVIII. Спб., 1864.
11. Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М., 1982.
12. ПСЗ. 2-е собр. Т. XXXIX. Спб., 1865.
13. Маржлевский Ю. Очерки истории Польши. Т. VI. М., 1952.
14. Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 2. Спб., 1892.
15. ПСЗ. 2-е собр. Т. L. Спб., 1872.
16. ПСЗ. 2-е собр. Т. LII. Спб., 1874.
17. ПСЗ. 2-е собр. Т. XLII. Спб., 1868.
18. ПСЗ. 2-е собр. Т. LI. Спб., 1876.

19. ПСЗ. 2-е собр. Т. XLIII. Спб., 1869.
20. ПСЗ. 2-е собр. Т. XLV. Спб., 1871.
21. Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 3. Спб., 1882.
22. ПСЗ. 2-е собр. Т. XLI. Спб., 1874.
23. ПСЗ. 2-е собр. Т. XLVIII. Спб., 1874.
24. *Погодин А. А.* История польского народа в XIX в. М., 1915.
25. ПСЗ. 2-е собр. Т. XLIII. Спб., 1877.
26. ПСЗ. 2-е собр. Т. XLVII. Спб., 1888.
27. История Польши. В 3 т. Т. 2. М., 1958.
28. *Кутшеба С.* Очерк истории общественно-государственного строя Польши. Спб., 1907.
29. ПСЗ. 2-е собр. Т. XLVI. Спб., 1884.
30. ПСЗ. 3-е собр. Т. I. Спб., 1885.
31. *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Спб., 1911. Т. 1—2.
32. Свод законов Российской империи. Кн. 5. Т. 16. Спб., 1914.
33. ПСЗ. 3-е собр. Т. II. Спб., 1886.
34. ПСЗ. 3-е собр. Т. XII. Спб., 1895.
35. ПСЗ. 3-е собр. Т. XIII. Спб., 1897.
36. ПСЗ. 3-е собр. Т. XI. Спб., 1894.
37. ПСЗ. 3-е собр. Т. X. Спб., 1893. Приложение к XVI-му т. 2-го собр. ПСЗ.
38. ПСЗ. 3-е собр. Т. X. Спб., 1893. Дополнения к XVII-му т. 2-го собр. ПСЗ.
39. ПСЗ. 3-е собр. Т. V. Спб., 1887.
40. *Любавский М. К.* История западных славян. М., 1917.
41. *Погодин А. А.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915.